

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.15593/perm.kipf/2021.1.01

УДК 271.2-788:659.445

АРХИМАНДРИТ ЗОСИМА: СПОСОБЫ ПРЕЗЕНТАЦИИ В СВЕТСКОЙ И ДУХОВНОЙ СРЕДЕ

А.В. Бушмаков

Пермский государственный институт культуры, Пермь, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 10 января 2021 г.

Принята: 01 марта 2021 г.

Опубликована: 15 апреля 2021 г.

Ключевые слова:

презентация, реконструкция, конструирование реальности, миссионерские монастыри, православная церковь, Россия рубежа XIX–XX веков, старчество.

АННОТАЦИЯ

Рассматривается презентация церковного деятеля в России в пореформенный период на примере инородческого миссионера по Красноуфимскому уезду архимандрита Зосимы. Автор пытается реконструировать особенности представления себя окружающим данного деятеля церкви, известного как основатель крупного монастыря и в то же время ставшего героем скандала и осужденного за растление малолетних.

В современных исторических и религиоведческих исследованиях, посвященных деятелям русской церкви пореформенного периода, редко используются актуальные культурологические интерпретации. Изучение доступных источников, в первую очередь – архивных документов, сохранившихся в фондах Государственного архива Пермского края, позволило восстановить ряд особенностей презентации Зосимы, направленной как на население уезда, так и на высокопоставленных светских и духовных чиновников. Научная новизна статьи характеризуется введением в оборот новых архивных и музеиных источников, обращением к методологии социолога Ирвинга Гофмана для понимания исторического смысла изучаемого явления. На основании примера Зосимы рассматривается широкий круг проблем общества рубежа XIX–XX веков.

Успех презентации архимандрита Зосимы автор объясняет не столько его личной харизмой и талантами, сколько особенностями религиозной культуры российского общества в пореформенный период. Используя модель православия, предложенную Антонио Грамши, можно увидеть потенциальный спрос на фигуры «святых старцев», к которым могли обратиться за духовной поддержкой и поучением верующие люди, находившиеся не только на первой (народной), но и на средней (книжной) ступени православной религии. Кроме того, успешность презентации Зосимы связана с тем, что центральное место в ней занимал созданный им монастырь, который невозможно отделить от его образа. Сконструированные им образы отвечали ожиданиям народных масс и части образованной публики. Он умел эффективно выбирать «кулисы» и отыгрывать свою роль в конкретный момент времени в соответствии с расставленными декорациями.

© ПНИПУ

© Бушмаков Андрей Валентинович – кандидат исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2061-4096>, e-mail: bushmakov@yandex.ru.

© Andrey V. Bushmakov – Candidate of Sciences in History, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2061-4096>, e-mail: bushmakov@yandex.ru.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

ARCHIMANDRITE ZOSIMA: THE WAYS OF PRESENTATION IN TEMPORAL AND ECCLESIASTICAL ENVIRONMENT

Andrey V. Bushmakov

Perm State Institute of Culture, Perm, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 10 January 2021

Accepted: 01 March 2021

Published: 15 April 2021

Keywords:

presentation, reconstruction, construction of reality, missionary monasteries, Orthodox Church, Russia at the turn of the 19th-20th centuries, eldership.

ABSTRACT

The presentation of a church leader by the example of Archimandrite Zosima, a missionary of Krasnoufimsky district in Russia in the post-reform period has been considered in the article. The author tries to reconstruct the peculiarities of self-presenting in everyday life of this church figure, known as the founder of a large monastery and at the same time as the hero of a scandal, convicted for debauchery of youth. In modern historical and religious studies dedicated to the leaders of the Russian Church of the post-reform period, actual cultural interpretations are rarely used.

The study of available sources, first of all of archival documents remained in the funds of the State Archives of Perm Territory, made it possible to restore a number of features of Zosima's presentation aimed both at the masses of population of the district and at high-ranking secular and religious officials. The novelty of the article is characterized by the introduction of new archival and museum sources into circulation and by the address to the methodology of sociologist Irving Hoffmann in order to understand the historical meaning of the studied phenomenon. A wide range of social problems at the turn of the 19th and 20th centuries is considered on the basis of Zosima's case.

The author explains the success of Archimandrite Zosima presentation not so much by his personal charisma and talents as by the peculiarities of the religious culture of Russian Orthodoxy in the post-reform period. Using the model of Orthodoxy proposed by Antonio Gramsci, one can see the potential demand for the figures of "holy elders" to whom believers who were not only at the first (popular), but also at the middle (book) level of the Orthodox religion could turn for spiritual support and exhortation. The success of Zosima's presentation was connected with the central place of the monastery created by him and could not be separated from his image. The images constructed by him were corresponded with the expectations of the common people and a part of the educated public. He was able to choose effectively the "wings" and play his part in the definite moment of time in accordance with the arranged scenery.

© PNRPU

— Смейся, смейся, а ведь тут карьера, — сказал генерал.
— Вы знаете, князь, к какому лицу мы теперь вам бумаги писать дадим?

Ф.М. Достоевский «Идиот»

Архимандрит Зосима (Залман, после крещения – Дмитрий Рашин) стал известен читающей публике после скандального обвинения в растлении малолетних воспитанниц приюта при организованном им женском монастыре. Осужденный в 1905 году Пермским окружным судом, он избежал каторги и в итоге получил высочайшее помилование. Следует отметить, что для некоторых современников Зосима (Рашин) и после официального осуждения остался оклеветанным врагами «святым старцем».

В современной научной литературе проблему старчества рассматривают с самых разных позиций, тем не менее работам по этой теме не хватает актуальных культурологических интерпретаций¹. Целью настоящей работы не является выяснение виновности или невиновности Зосимы. В фокусе нашего внимания находится та сторона социокультурной жизни пореформенного российского общества, которая нередко игнорируется историками, – представление себя окружающим людям, часто называемое презентацией. Иначе говоря, нас интересует не то, каким был Зосима на самом деле, а только то, как он предъявлял себя окружающим, каким они его могли видеть.

¹ Имеется в том числе ряд работ по истории русской церкви, в которых феномен старчества пореформенного периода связывается с развитием монастырей [1–5].

Теория социальной драматургии Ирвинга Гофмана предполагает, что впечатление, которое каждый человек составляет о себе, соответствующее роли, которую он старается оправдать своей жизнью, эта маска – и есть наше истинное Я, а не то Я, каким нам хотелось бы быть. В рамках данной теории исполнение роли предполагает выстраивание социального поведения индивида в соответствии с ожиданиями общества, в котором оно протекает; одновременно исполнитель роли должен внушать своим зрителям идеализированное по нескольким различным параметрам впечатление. Идеализация понимается как стремление представить себя в соответствии с принятыми в данном обществе ценностями и эталонными образцами. Особенно это важно для индивидов, оказавшихся в первоначально чуждой для них среде [6].

В рамках теории И.Гофмана презентация индивида – в нашем случае архимандрита Зосимы (Рашина) – отражает не столько индивидуальные особенности его личности, сколько специфику повседневного жизненного мира общества, в котором он живет (включая и ложные представления и мистификации).

В фондах Красноярского краеведческого музея сохранилось несколько фотографий Зосимы в период его пребывания в Красноярской епархии. На первом фото (1870-х годов?) мы видим еще сравнительно молодого священнослужителя с большой церковной книгой и четками (рис. 1). Второе фото (рис. 2), датированное 1883 годом, представляет «Иеромонаха Зосиму – первого наместника Красноярского Успенского мужского монастыря». Церковная книга и четки здесь дополнены такими важными символами его статуса игумена, как камилавка и наперсный крест. Солидности портретированному персонажу добавляют также очки и обозначившаяся проседь в бороде. На более позднем фото, где он уже архимандрит, облик стал более внушительным: добавился второй наперсный крест и медаль, борода стала совсем седой, можно различить дорогую узорчатую ткань его облачения. В книге А.В. Жиркевича имеется и фотография, сделанная незадолго до смерти – она напоминает фото из судебного дела, – старец в очках, в простой светлой рясе, руки сцеплены на животе [7].

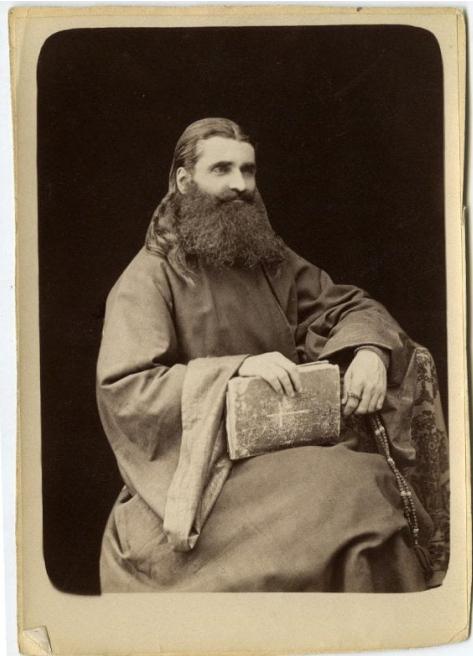

Рис. 1. Архимандрит Зосима – основатель и наместник Красноярского Успенского общежительного монастыря // КККМ. ОФ 10908/1

Рис. 2. Иеромонах Зосима – первый наместник Красноярского Успенского мужского монастыря // КККМ. ОФ 10275/11

Строго говоря, внешность Дмитрия Рашина была далека от того, чтобы производить впечатление: он был небольшого роста – всего 2 аршина и три вершка (155 см) с выраженными семитскими чертами лица. Однако это не мешало ему выдавать себя за незаконнорожденного потомка Александра II. Веривших ему современников не смущало явное несоответствие облика Зосимы внешности его якобы отца, так же как не смущала и хронология с географией, даже поверхностное знание которых делало версию его высокого происхождения совершенно фантастической.

Предлагаемая реконструкция презентационных технологий, которыми пользовался Зосима в конце XIX – начале XX века, основывается на ряде документов, сохранившихся в архивах, в том числе и написанных им собственной рукой. Еще одним важным источником послужили воспоминания П.С. Сигова, которые, несмотря на ряд неточностей и ошибок, содержат замечательно детализированные описания посещения Зосимой школы, где учительствовал автор, а также проповеди Зосимы. В обоих случаях это непосредственные наблюдения Сигова, хотя и зафиксированные на бумаге годы спустя.

Доступные в архивных фондах документы позволяют в общих чертах проследить карьеру Зосимы в Ведомстве православного вероисповедания – карьеру, в которой взлеты перемежались с падениями. В возрасте сорока с небольшим лет он смог достичь должности настоятеля, пусть и сравнительно незначительного, недавно созданного монастыря в Сибири. В дальнейшем – несмотря на конфликты и неудачи, – оказался фактическим главой другого монастыря – женского, созданного благодаря его энергии и талантам в Пермской губернии. В обоих случаях Зосиме удавалось, с одной стороны, заручиться поддержкой духовного и светского начальства, с другой стороны, привлечь верующих мирян разных сословий – людей, поддержавших его деньгами и другими пожертвованиями. Все это говорит о том, что Зосима обладал выдающимися способностями к представлению себя в качестве духовного лица, обладавшего таким достоинством, которое можно обозначить словом «святость», с другой стороны – человеком дела, церковным организатором и руководителем.

В фонде канцелярии пермского губернатора сохранились два больших письма на бланке «инородческого миссионера по Красноуфимскому уезду» архимандрита Зосимы пермскому губернатору Д.Г. Арсеньеву, написанных в январе и апреле 1899 года, в которых он подробно описывает свою деятельность в Пермской епархии и обращается за помощью в скорейшем решении конкретных вопросов: об утверждении планов нового монастыря и наделении его земельными угодьями [8, 9].

Письма написаны собственноручно Зосимой прекрасным каллиграфическим почерком. В обоих случаях, подписываясь, он уменьшает шрифт почти в два раза – вероятно, демонстрируя смиренное самоуничижение. Однако в самом тексте он не стесняется говорить о своих заслугах, многократно их подчеркивая.

Язык, которым пользуется Зосима представляет собой характерную смесь выспренных церковно-славянских выражений в сочетании с тяжеловесными казенно-бюрократическими оборотами: «...На нас, пастырях церкви Христовой, под мудрым руководством Преосвященного Архипастыря Пермского, при высокохристианском сердечном сочувствии и содействии Властей Гражданских Губерний, лежит священный долг, священнейшая обязанность употреблять все силы и зависящие меры при помощи содействующей Благодати Божией, просветить «седящих во тьме и сени смертней» язычников и магометан светом истинного Богопознания, светом веры и благочестия христианского» [8, л.1].

Зосима представляет себя как избранного деятеля церкви, которого епископ Петр специально пригласил для важной миссии – просвещения язычников и мусульман Пермской епархии:

«...Так в 1895 году для такой плодотворной деятельности, главным образом в Красноуфимском у., где главное средоточие поселений языческих и магометан, Преосвященному Петру благоугодно было пригласить меня на службу в Пермскую епархию специально для миссионерской деятельности среди язычников и мусульман, главным образом в Красноуфимском у.» [8, л.1].

Красивый почерк оригинального документа создает несколько другое ощущение, чем внимательное прочтение того же текста с экрана компьютерного монитора или его же, распечатанного на принтере. Кажется, что приятные округлости каллиграфически написанных на хорошей бумаге фраз в меньшей степени позволяют отмечать стилистические несуразности и повторы. По крайней мере в момент первого прочтения у нас не было ощущения, что автор – человек не слишком образованный, критическое восприятие содержания текста как бы притуплялось красотой почерка.

Зосима подчеркивает, что за три года существования монастыря и приюта он затратил значительные личные средства (свыше тридцати тысяч рублей)², полностью финансируя свое начинание: «В интересах служения моего на ниве Господней, среди тьмы язычества в интересах Церкви и Государства, ревнуя о славе Божьей, образовал я на мои личные средства в Сарсах 2-х свою резиденцию, как Миссионера инородческого, устроил весьма значительные сооружения миссионерского стана-резиденции, положив начало женской общежитийной с просветительско-миссионерскою целью, обители, открыл приют-школу для девочек сирот и не сирот, главным образом детей черемис-язычников и татар, каковых приютянок ныне состоит налицо до 12 человек, открыл богадельню для престарелых и немощных инородцев из крещаемых язычников и магометан, которых состоит в настоящее время налицо до 10 человек, и как те, так и другие, т.е. девочки-приютянки, обучающиеся грамоте и рукоделию, и богадельщики, от начала и доселе призываются и содержатся моими трудами и личным иждивением, без всякой сторонней от кого-либо помощи, а все крещаемые инородцы, каковых за два года просвещено мною Св. крещением свыше 60 человек, сверх того, снабжаются и при крещении и после оного всем необходимым по мере возможности, для их безбедного существования в дальнейшей их христианской жизни, и вообще все миссионное великое делание на ниве Божией направляется и содержится от начала и доселе моими личными заботами, трудами и средствами...» [8, л.2].

Далее он описывает строительство, начатое им на пожертвованной местными землевладельцами Кунгурцевыми земле, «на нагорной площади ровной и величественной», ряда каменных зданий, для которых, как и для соборного храма, уже заготовлены нужные строительные материалы и составлены лично Зосимой, «как знающим строительное и инженерное искусство», нужные планы и чертежи, которые представлены уже им Пермскому епархиальному начальству. После чего Зосима обращается к губернатору с просьбой: «...И как премного я был бы утешен, и как благотворно было бы для существа великого Божия дела моего среди тьмы язычества и мрака магометанства, если б Ваше Превосходительство высокоблаговолительно соизволили приказать ныне же, безотлагательно, в вашем личном присутствии, при личных со стороны моей, как составителя планов и фасадов нужных разъяснениях, рассмотреть и утвердить сказанные планы и фасады, что, конечно, весьма важно и существенно необходимо» [8, л.2].

Сразу за этой просьбой, следует и вторая – более серьезная: Зосима просит для «ныне реально и благотворно действующих» своих учреждений, для «безбедного их существования в будущем» выделить из казенных свободных земель 800 десятин лесных, луговых и пахот-

² Согласно «Отчету о состоянии Боголюбского женского миссионерского общежитийного монастыря» за 1913 год, всего за шесть лет Зосимой было сооружено 19 жилых и нежилых помещений общей стоимостью 160 тысяч рублей [10, л.1].

ных угодий, а также дополнительно 700 десятин – миссионерскому стану для образования поселка для крестившихся инородцев. Обосновывает он это тем, что данное пожертвование будет «в интересах Церкви и Государства». Здесь же Зосима указывает, что уже заручился согласием епископа и обратился к управляющему государственными имуществами Пермской губернии для содействия в данном вопросе [8, л.2 об.].

Второе, написанное в апреле, письмо Зосимы пермскому губернатору начинается с замечательной фразы, совмещающей в одном логическом ряду Бога и губернатора, помогающих архимандриту в его священном деле: «Господь не судил Промыслом Своим видеть Вас в моих Сарсах в минувшую зиму для обмена мыслей с Вами о том высоком Божественном деле, которое совершаю я среди тьмы язычества и мрака мусульманства; буду, однако же, пламенно ожидать радостного свидания с Вами в наступающем лете». Далее следует рассказ о действиях архимандрита для «продвижения» монастыря: фотографические снимки планов монастыря и всех его зданий отправлены в Санкт-Петербург обер-прокурору Синода с ходатайством о скорейшем их утверждении в строительном отделении Синода. Свою настойчивость Зосима объясняет необходимостью успеть получить разрешение до 18 июня, чтобы закладка храма могла совершиться в день празднования иконы Боголюбской Богоматери. Он также сообщает, что обратился к графу Н.А. Протасову-Бахметеву с ходатайством о принятии учреждаемой обители под Высочайшее покровительство императорской семьи. Всем высокопоставленным лицам, включая и губернатора, Зосима «возымел дерзновение», кроме того, послать фотографические снимки со всех планов и своей резиденции и также «своих детей» – девочек из приюта. Содержательная часть письма (его последние три коротких абзаца содержат поздравления с наступающей Пасхой и отеческие благословения) заканчивается фразой, в которой можно отметить мягкий нажим: «Мне весьма будет отрадно получить и от Вас, хотя краткое, изъяснение о том, что сделано Вами по моему ходатайству об отводе земли для обители и благотворительных при ней заведений» [9, л.7-8 об.].

Письма дают возможность проследить некоторые техники презентации, которые использует Зосима для своего заочного общения с высокопоставленными светскими и духовными особами, которых он просит о содействии. Прежде всего это подчеркивание своего особого статуса, дающего возможность напрямую обращаться к высшим начальникам, игнорируя бюрократическую иерархию. Прекрасный почерк, преувеличенная комплиментарность обращений, равно как и возвышенные церковно-богословские обороты, придают письмам особый стиль, выделяющий их в стандартном круговороте казенных делопроизводственных бумаг. Этот стиль достаточно гармонично совмещается с фактическим деловым содержанием, которое представляет собой сообщения о чудесных успехах, достигнутых в кратчайшие сроки.

Также можно отметить два простых, но эффективных приема, которыми пользуется архимандрит: 1) параллельное обращение в несколько инстанций, сочетающее стандартный, предусмотренный бюрократической системой канал с личными обращениями к вышестоящему начальству; 2) визуализация просьбы, не только ее наглядно показывающая, но и выполняющая роль памятного знака, создающего символическую связь между высокой особой, которую просят о покровительстве, и архимандритом (его проектом).

Судя по достигнутым результатам, в личных встречах с высокопоставленными начальниками Зосиме также удавалось достигать нужного впечатления. Следует отметить, что ему это удавалось даже в последние годы жизни, будучи дискредитированным судебным приговором.

Не менее важной представляется вторая составляющая презентации Зосимы – рассчитанная на окружающих его верующих. О том, как он представлял себя населению Красноуфимского уезда, мы можем узнать из воспоминаний бывшего члена Второй Государственной

думы П.С. Сигова, который в 1890-е годы работал народным учителем. Первое впечатление от появления Зосимы, зафиксированное в мемуарах, доносит до нас свидетельство его конфликта с местным духовенством. Совершая объезды сел и деревень той части уезда, где жили марийцы, и делая визиты видным людям и священникам, он посыпал кого-нибудь вперед предупредить, чтобы, встречая его, звонили в колокола. Местные священники отказались удостоить его такой почести, ссылаясь на церковный устав, по которому колокольный звон «приличествует только архиереям». Еще более интересно описание П.С. Сиговым посещения школы, где он тогда преподавал: «Зосима был невысокого роста, но плотный, плечистый, с большой окладистой бородой, на вид лет 50-ти. О его приезде предупредил меня попечитель школы Коробов и просил, чтобы ученики спели “почетному гостю” “входное достойно” <...> Коробов прибавил при этом, что Зосима еще и не архиерей, но надо “уважить старика”. Зосима вошел в класс под пение “входного достойно” плавным шагом, остановился, благословил стоявших за партами учеников архиерейским крестным знамением и заговорил что-то совершенно непонятное; из всего сказанного я понял только одно, – что он “украл копеечку” и в наказание Бог послал его сюда просветить “самарян” светом “божественной истины”. После этого он сел и вызвал одного из учеников и попросил его написать на классной доске: “Правда светлее солнца”. Начав объяснение этого изречения, он вдруг закрыл глаза и надолго замолк, как бы заснул, затем, не открыв глаз, стал делать руками в воздухе движения как бы ловя мух, и громко шептал: “Иисусе сладчайший! Иисусе сладчайший!”. Наконец, открыл глаза, улыбнулся и, встав, вновь сотворил перед изумленными учениками “крестное знамение”, поклонился и вышел из класса» [11, л.3].

В дальнейшем Сигову довелось наблюдать, как Зосима читал проповедь; описание этого события, оставившего у автора-интеллигента «жуткое» впечатление, также присутствует в мемуарах. В переполненную церковь не смогли поместиться все желающие, часть людей стояла возле нее, Сигову с трудом удалось притиснуться вперед, чтобы увидеть на амвоне в золотой митре на голове Зосиму, произносившего проповедь «каким-то рыдающим голосом», так что невозможно было разобрать, что он говорит. Тем не менее проповедь произвела на слушателей сильное впечатление: через несколько минут в толпе послышались рыдания. Зосима тоже заплакал и закричал, вытирая рукой катившиеся из его глаз слезы: «Плачьте, дети, плачьте!» после чего уже вся толпа «зарыдала и завыла» [11, л.4].

П.С. Сигов также рассказывает, что возле алтаря стоящейся церкви он видел яму для могилы и воткнутую в кучу глины небольшую стальную лопату. Стоявшие вокруг ямы и сокрушенно вздыхавшие женщины объяснили ему, что это была могила самого старца Зосимы, который каждое утро понемножку копал ее на глазах стекавшихся в монастырь богомольцев [11, л.4].

П.С. Сигов также описывает, но, по-видимому, уже с чужих слов, как архимандрит принимал гостей, приезжавших в монастырь: встречал приветливо, говорил загадочно – «притчами», упоминая, что когда-то он был превознесен высоко, но «украл копеечку», и в наказание за этот грех Бог послал его сюда «просветить самарян» светом божественной истины. Почетных гостей приглашал на трапезу, где все ели за большим столом, только сам Зосима («папочка», как он просил его называть) ничего не ел, кроме сухого печенья с чаем, поддерживая убеждение, что он никогда ничего не ест, кроме этих бисквитов и просфоры [11, л.6].

В мемуарах интеллигента Сигова, к тому же записанных уже в советский период, поведение Зосимы оценивается критически и иронично, однако не приходится сомневаться, что презентация Зосимы производила на многих современников нужное впечатление. Даже после скандального обвинения в растлении малолетних девочек-приютянок, следствия и суда часть его окружения осталась убежденной в том, что он человек святой жизни, напрасно оклеветанный. В секретном

письме прокурора Пермского окружного суда К.Н. Подрезана о деле Зосимы, направленном в ноябре 1904 года прокурору Казанской судебной палаты, он характеризуется как «личность выдающаяся», обладающая даром убеждения, благодаря чему большинство его знающих не верит в то, что он совершил гнусные преступления. Автор письма ссылается и на мнение о Зосиме его начальников из духовного ведомства: «...человек предприимчивый, ума незаурядного, воли сильной, способный производить впечатление неотразимое, внушать доверие» [12, л. 389].

Чтобы объяснить успех презентации архимандрита Зосимы, признания его личной харизмы все же недостаточно. Как представляется, объяснение ее успешности связано в первую очередь с особенностями отношения к религии и религиозным деятелям российского общества в данную эпоху. Нам близка позиция Антонио Грамши, который указывал, что православие – это, в сущности, три разных религии – религия народных масс, религия священников и религия монахов и высшего духовенства [13, с. 328–329].

Подобная модель подчеркивает не только разницу между пониманием основ вероучения и истолкованием смысла обрядов, но и выстраивает иерархию, в которой «книжное» православие, которому учили в духовных семинариях и на уроках Закона Божьего, – это лишь средняя ступень, превосходящая перемешанную с суевериями народную религию. Высшая, наиболее высокая ступень в этой иерархии – это религия немногих монахов-аскетов, требующая высочайшего духовного напряжения. Именно эти редкие люди – монахи, старцы-отшельники потенциально обладают наибольшим духовным авторитетом в православии. Такая иерархия предполагала, что самые сокровенные, высшие смыслы открываются не ученым-богословам с дипломами академий, а порвавшим с миром «старцам», мистическим образом вступившим в наиболее тесный контакт с Богом. Поэтому и на рубеже XIX–XX веков существовал потенциальный спрос на подобные фигуры, к которым могли обратиться за духовной поддержкой и поучениями верующие люди, находившиеся не только на первой (народной), но и на средней (книжной) ступени православной религии.

Если использовать модель Грамши для объяснения казуса Зосимы, можно утверждать, что в культуре православного общества России конца XIX – начала XX века существовала потребность в фигуре «святого старца» – человека, обладающего особой благодатью, основанной скорее на личной харизме, чем на месте, занимаемом в официальной церковной иерархии. Отметим, что центральное место в презентации Зосимы занимал созданный им монастырь, который невозможно отделить от его образа, – они были слиты воедино. Успешность презентации Зосимы была связана с тем, что сконструированные им образы отвечали ожиданиям народных масс и значительной части образованной публики. Он умел эффектно выбирать «кулисы» (И. Гофман) и отыгрывать свою роль в конкретный момент времени в соответствии с расставленными декорациями. Сохранившиеся в документах подробности того, как он представлял себя современникам, очным и заочным образом свидетельствуют об этом. Концепция И. Гофмана позволяет обнаружить в презентационной деятельности Зосимы своеобразный прообраз современных PR-стратегий.

Список литературы

1. Смолич И.К. Русское монашество, 988–1917; Жизнь и учение старцев: [Путь к совершенной жизни]: Прил. к «Истории Рус. Церкви»: пер. с нем. / Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия». – М., 1997. – 606 с.
2. Надеждина Ю.М. Поиски «идеала» и традиция старчества в русской культуре XIX века // Тр. С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. – 2009. – Т. 184. – С. 349–359.

3. Демидов Д.Н. Монастырское старчество и его влияние на религиозно-нравственную жизнь российского общества конца XVIII – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2013. – 26 с.
4. Воронова Е.В. Старчество в русской художественной культуре конца XIX – начала XX в. – Ярославль: Изд-во Яросл. гос. пед. ун-та, 2006. – 168 с.
5. Денисов А.А. Отечественная историография феномена русского старчества // Вестн. Омск. Православной Духовной семинарии. – 2018. – № 1 (4). – С. 73–77.
6. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – 302 с.
7. Жиркевич А.В. Жизнь во Христе старца Зосимы, в мире Дм. Рашина: (Его биогр.) – Вильна: Рус. почин, 1913. – 318 с.
8. Письмо инородческого миссионера по Красноуфимскому уезду архимандрита Зосимы Пермскому губернатору Д.Г. Арсеньеву от 13 января 1899 г. // ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф.65. Оп.2. Д.871. Л.1-3 об.
9. Письмо инородческого миссионера по Красноуфимскому уезду архимандрита Зосимы Пермскому губернатору Д.Г. Арсеньеву от 19 апреля 1899 г. // ГАПК. Ф.65. Оп.2. Д.871. Л.7-8 об.
10. Отчет о состоянии Боголюбского женского миссионерского общежитийного монастыря за 1913 год // ГАПК. Ф. 199. Оп.1. Д.29.
11. П.С. Сигов Архимандрит Зосима (воспоминания старого учителя) // ГАПК. Ф.р-926. Оп.1. Д.166.
12. Дело по обвинению архимандрита Зосима в изнасиловании А.П. Горожаниновой и др. // ГАПК. Ф.142. Оп.2. Д.16.
13. Грамши А. Тюремные тетради [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.civis-book.ru/files/File/Gramshi,tetradi.pdf> (дата обращения: 20.12.2020).

References

1. Smolich I.K. Russkoe monashestvo, 988-1917; Zhizn' i uchenie startsev: [Put' k sovershennoi zhizni] [Russian Monasticism, 988-1917; Life and Teachings of the Elders: [The Path to a Perfect Life]] Prilozhenie k "Istoriia Russkoi Tserkvi". Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaia entsiklopediia", 1997, 606 p.
2. Nadezhchina Iu.M. Poiski «ideala» i traditsii starchestva v russkoi kul'ture XIX veka [The Search for the "Ideal" and the Tradition of Eldership in Russian Culture of the XIX Century]. Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 2009, vol. 184, pp. 349-359.
3. Demidov D.N. Monastyrskoe starchestvo i ego vliianie na religiozno-nravstvennuiu zhizn' rossiiskogo obshchestva kontsa XVIII - nachala XX vv. [Monastic eldership and its influence on the religious and moral life of Russian society in the late 18th – early 20th centuries]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 2013, 26 p.
4. Voronova E.V. Starchestvo v russkoi khudozhestvennoi kul'ture XIX - nachala XX vekov [Elderly in Russian Artistic Culture of the Late XIX - Early XX Centuries]. Iaroslavl', Iaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni K.D. Ushinskogo, 2006, 168 p.
5. Denisov A.A. Otechestvennaia istoriografiia fenomena russkogo starchestva [Domestic Historiography of the Phenomenon of Russian Eldership]. Vestnik Omskoi Pravoslavnoi Dukhovnoi Seminarii, 2018, no. 1 (4), pp. 73-77.
6. Gofman I. Predstavlenie sebia drugim v povsednevnoi zhizni [Introducing Oneself to Others in Everyday Life]. Moscow, Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole, 2000, 302 p.
7. Zhirkevich A.V. Zhizn' vo Khriste startsa Zosimy, v mire Dm. Rashina : (Ego biografiia) [Life in Christ of Elder Zosima, in the world of Dm. Rashina: (His biography)]. Vil'na, Russkii pochin, 1913, 318 p.
8. Pis'mo inorodcheskogo missionera po Krasnoufimskomu uezdu arkhimandrita Zosimy Permskomu gubernatoru D.G. Arsen'evu of 13 ianvaria 1899 g. [Letter from a non-Russian Missionary in the Krasnoufimsky District, Archimandrite Zosima, to the Perm Governor D.G. Arseniev Dated January 13, 1899]. Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia, f.65, op.2, d.871, l.1-3 ob.
9. Pis'mo inorodcheskogo missionera po Krasnoufimskomu uezdu arkhimandrita Zosimy Permskomu gubernatoru D.G. Arsen'evu of 19 apreli 1899 g. [Letter from a Non-Russian Missionary in the Krasnoufimsky District, Archimandrite Zosima, to the Perm Governor D.G. Arseniev Dated April 19, 1899]. GAKP, F.65, op.2, d.871, l.7-8 ob.
10. Otchet o sostoianii Bogoliubskogo zhenskogo missionerskogo obshchchezhitinogo monastyria» za 1913 god [Report on the State of the Bogolyubsky Female Missionary Hostel Monastery "for 1913]. GAKP, f. 199, op.1, d.29.
11. P.S. Sigov Arkhimandrit Zosima (vospominiannia starogo uchitelia) [P.S. Sigov Archimandrite Zosima (Memoirs of an Old Teacher)]. GAKP, f.р-926, op.1, d.166.
12. Delo po obvineniiu arkhimandrita Zosima v iznasilovanii A.P. Gorozhaninovo i drugie [The Case on Charges Against Archimandrite Zosim of the Rape of A.P. Gorozhaninova and Others]. GAKP, f.142, op.2, d.16.
13. GramshiA. Tiuremnye tetradi [Prison Notebooks], available at: <http://www.civisbook.ru/files/File/Gramshi,tetradi.pdf> (accessed 20 December 2020).